

К 70-летию Победы

С л е д   н а   з е м л е

Женщине на земле отведена особая роль. Ей предназначено быть хранительницей домашнего очага, совершать незаметный, обыденный подвиг – растить детей и выводить их в огромный жизненный мир с надеждой на благополучие и счастье.

Ей дано Богом столько любви и нежности, что она может наполнить весь мир добротой и теплом. Она одарена уникальной способностью чувствовать на расстоянии приближение беды к родному чаду. Женщине-матери дана такая внутренняя сила, что она, словно птица, может крылом заслонить от любых невзгод своих детей. Лишь одно не дано матери – жить вечно.

Хочется рассказать о ветеране труда, труженице тыла Марии Павловне Соболевой, которая в этом году отметила своё 85-летие. Она родилась в д. Мысовка в простой крестьянской семье (детей в семье было пять, но они от болезни умирали). Так и росла Машенька у матери одна. Родной отец был отправлен на лесозаготовку, назад не вернулся. Воспитывал Андрей Евграфьевич – отчим, но, по словам самой Марии Павловны, он заменил ей родного отца. Вместе с мужчинами из села он ушёл на фронт. В феврале 1943 года пришла похоронка...

Детство выпало тяжёлое. Рано пришлось помогать матери по хозяйству. Работать начала ещё девочкой. Трудилась с раннего утра до поздней ночи, старалась не отставать от старших. Все понимали, что всё для фронта – всё для Победы. Мария Павловна вспоминает, о том как на лошадях сеяли и пахали, возили горячее и солому из других деревень. «Иногда приходилось ночевать в других деревнях. Зимой, чтобы согреться, бежали вслед за лошадыю.

Вернувшись домой после работы, собирались и бежали на вечерки в потрёпанной одежде и обуви, - с улыбкой вспоминает Мария Павловна. - Тяжело приходилось жить, но в то же время весело. Встречи были у амбаров: пели песни, плясали, шутили...

Вся трудовая деятельность Марии Павловны связана с животноводством. Она тридцать лет проработала дояркой. Участвовала в соревнованиях, слётах животноводов, где занимала призовые места. Много грамот, благодарностей, ценных подарков имеет за свою трудовую деятельность. Получила две награды: труженица тыла, ветеран труда. Большим уважением пользуется среди односельчан, два созыва избиралась депутатом сельсовета.

Со своим мужем Афонасием Ивановичем встретились, работая на тракторах в поле. Встречались по вечерам, так и поженились. Семья пополнялась детьми: Ольга, Татьяна, Виктор, Людмила. Воспитали их трудолюбивыми, честными, порядочными людьми. Совместно прожили 64 года.

Сейчас у Марии Павловны 9 внуков и 16 правнуков. Они живут в разных уголках, но каждый не забывает звонить, приезжать в гости к бабушке. Их встречи наполнены большой радостью и любовью, неизбежны во время прощания и слезы...

Несмотря на свой возраст, в порядке содержит приусадебный участок. Ее сад считается примером для подражания - каких только цветов в нем нет! Признается, что сил уже не хватает, но понимает, что жизнь человеку дана один раз и нужно ее прожить достойно, активно, оставив после себя добрую память.

Н. СОБОЛЕВА. с. Травяное.

(Окончание. Начало в N 17 от 23.04.2015 г.)

А эти женщины пошли уже на другие рабочие места. Мама пошла вытаскивать из печи пахнущие свежестью калачи, уже полученные из нового урожая. И тут будут уместны стихи Леготина Георгия Петровича (пусть земля ему будет пухом). Он дитя войны, учитель, директор средней школы нашего села. Георгий Петрович в своё время создал сельский музей, где на одном из стендов стоят его стихи:

**Про этих женщин
Хочется особо рассказать.
На комбайнах жали,
Трактора водили,
Чтобы полюшко родимое
вспахать.**

**Бывало, что удары рукояткой
Получали в грудь.**

**В грязи под трактором лежали,
Чтобы болты покрепче затянуть.**

**Не скрою, от обид порою,
Женщина волчицей выла.**

**Как ей нужна была
Сноровка и мужская сила...**

**Большая благодарность вам
За труд нелёгкий ваш.**

А ведь эти женщины хотели, чтобы им пели соловьи в ночи. Не могли они порвать с прошлым. И каждая из них ждала своего по-своему. Не могли они поклониться земле, припасть к могильным холмикам. Не было и поминальных обедов.

Но будет ещё не один тост с пригубленьем «кагора» и слёз.

А вот тост, который произнёс мой брат:

**Выьем за Ивана!
Не пришедшего с той войны.
Выьем за сына Ивана,
Не пришедшего с Афгана!
Выьем за внука Ивана,
Не пришедшего живым с Чечни!**

Низко склонили женщины

Война и Женщина (Воспоминания бабушки Кирановой Т.П.)

головой, держа дрожащими руками гранёные стопочки, пригубили...

Мои руки тоже дрожали, в это время мой сын Иван похоронил друга, убитого в Чечне, а сам живой, но контуженный, раненый выписался из госпиталя. Но маме мы ничего не говорили, уж слишком она любила своих внуков и переживала за них.

И, как скажет тётя Маня: «Как мы уставали, дома одни старики да дети, а кто постарше – то с нами на ферме, покосе... Как крутили тяжёлые решётки веялок, ребятишек-то замучили. Они вместе с нами пупы надрывали с этими плицами и пудовками.»

Устали! Устали! Но каждый раз находили силы отбросить усталость. Надо было жить. Жить, кормить, одевать и учить. Вырастили, дети разъехались. Мой брат Виктор, сёстры Рая и Валентина уехали вместе с семьями строить БАМ. Они награждены медалями: «Почётный строитель БАМа» Там сейчас и живут. Вспомнили они Виктора Дубынина. Когда приезжал в село, он всегда привозил им сладкие подарки. Помнил и не забывал их, ибо его родители делили тяготы войны и послевоенные тяготы вместе с этими женщинами. Жили в соседях, помогали друг другу как могли.

Гордились им, что он вырос в нашем месте, со слезами приходят поклониться, что он так рано ушёл из жизни. Благодарны, что он пригнал танк Т-10 в памяти о земляках, погибших в войну.

А помнишь, Нюра (это обращение к моей маме, как твоя Тамара привела в дом Ивана и сказала, что он – её папа, что он пришёл с фронта).

Мне было три года. У нас на видном месте висели три портрета: мамин, моего кровного отца Пётра Семёновича, погибшего под Москвой и второго отца, не менее дорогого мне человека – отца Ивана Феофистовича, рано умершего из-за полученных ранений. Он всегда говорил, что портрет кровного отца должен быть на видном месте. Он погиб, а я знаю, что такое война. А я всегда носила фамилию своего родного отца. Так стало уже после войны два брата и две сестры. А мама стала дважды вдовой. И кто-то из женщин скажет, что мужики воевали не за ордена и медали, а за нас и наших детей.

Вспомнили, как зимними вечерами ходили в правление колхоза, перебирали вручную на семена пшеницу, рожь, горох при свете керосиновых ламп, сидя за длинными столами. Старшие помогали, а мы, младшие, сидели у печки, поджав ноги, завернувшись в фуфайки и слушали, как поют наши мамы. Заглядывались на быстрые движения их рук. В конце нам иногда перепало по горстке пшенички. Я до сих пор помню, как медленно жевали пшеницу, высасывали этот животительный сок, и получалась жвачка.

Я помню, как мама однажды протравливала семена «дустом» (средство от вредителей), и вдвоём с одной женщиной отравились, лечились в Челябинске. Причина в том, что не было индивидуальных средств защиты. Брат (он там тоже был) принёс гармонь и баян. Наши гости пытались плясать, но ноги их не слушались. Потом пели под баян.

Но эти жизненные женщины – Маня, Кланы, Стюра, Нюра

и наша мама, как и многие другие женщины тыла, не уронили, не потеряли свои «вёсла». Что же помогало им? Что давало им силы? Наверное, оптимизм (хотя он и не знали этого понятия). Наверно, они старались не видеть морозящий дождь, радовались цветению сирени, горящим, хоть и горьким ягодам рябины, посаженных их сужеными.

Дожили они до дня Победы, сохранили детей. Не могли они не вспомнить, как встретили её. Верили! Ждали! Ждали долгожданную Победу. Но весть о ней была всё равно неожиданной. Кто-то услышал о ней в поле, кто-то на ферме, кто-то на птичнике. А вечером собрались около правления колхоза, накрыв поминальные столы незамысловатой едой, оставшейся с зимы. В глазах этих женщин увидела страницы военной и послевоенной жизни.

Вспомнили они, как полил сильный дождь, как бы оплакивая всех тех, кто не вернулся. Более 300 человек не вернулись в родные края, осиротив детей.

Вспомнили, мои милые, как вместе с ребятишками (их ласково называли «фронтовичками») плясали под дождём, по лужам. Их радость Победы была утоплена в слезах. И, как всегда говорила тётя Кланы: «Выпивали горькое, а запивали слезами...»

А я с братом вышла на улицу, и в шуме ветра, и в отражении уже замерзающего озера видела и чувствовала слёзы радости и горя, невзгод и побед, слёзы падений и взлётов нас, детей войны и моих односельчан. Наши прошлые дни – они незабываемы.

У всех этих женщин есть награды за трудовой подвиг в годы

войны, юбилейные медали. У некоторых есть медали «За материнство», но они не получали достойных пенсий. А ведь как говорят: «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют». У каждой из них был свой жизненный костёр – яркий, высокий, светящийся далеко-далеко, горячий-горячий! Но теперь он не вспыхнет – он залит войной. И всё-таки в их руках была ВЕРЫ ТОНКАЯ СВЕЧА.

Вот так я вам поведала историю нескольких женщин села Риги.

И на этом юбилее пролетела их жизнь. Они вспоминали и вспоминали... Сами того не ведая, что это был итог их жизни, трудной, опалённой войной.

И глупо было бы задать им вопрос: «Увидели ли они счастье?»

Да и вообще, какое оно – бабское счастье? Какое оно – маленькое или большое, чёрное или белое, а может, розовое? Какое? Сладкое, горькое или хмельное? Но точно не наивное, а может и нет? Но счастье они видели в своих детях, они всю молодость посвятили им, а жизнь отдали Родине. И видели они своё счастье в нас, и оно не было призрачным. Оно было живым. Они хотели, чтобы не было больше войн, чтобы не лилась кровь невинных, и чёрное её крыло не покрывало потомков...

P. S. Это была их последняя встреча. А нашли своё место в разное время в том, потустороннем мире. И над их могилками – запах черёмухи, шумит весенняя рощица берёз, яркое солнце на голубом небе, и соловьиная песня ранним утром, которую они так и не успели дослушать. Вот и нам, пятерым маминим детям, уже не надо звонить, писать и ждать. Но так хочется обнять любимую фигурку и попросить совета и прощания.